



Михаил Боков

РУССКАЯ ГОТИКА



МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б78

Художественное оформление переплета
Константина Гусарева

В оформлении обложки использована фотография:
© Yulianna Est / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Боков, Михаил Владимирович.

Б78 Русская готика / Михаил Боков. — Москва :
Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-160787-6

Есть такой жанр — южная готика. Макабр американской глубинки, в которой живут поврежденные социумом и историей люди, окруженные местными легендами и бытом. Боков — это наш Кормак Маккарти и Уильям Фолкнер в одном флаконе. «Русская готика» — книга яркая, громкая и жуткая.

- Двойник Егора Летова собирает стадионы.
 - Павел Макарцов борется за свой «кормящий» ларек на фоне глобализации.
 - Михаил Круг оживает в народном фольклоре.
- Читать эту прозу надо дозированно, потому что концентрация реальности выше, чем в самой реальности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Боков М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160787-6

Павел Макарцов против корпораций

Паша Макарцов – удалой частный предприниматель тридцати восьми лет. Чуб Пашин вился дерзко. Глаза блестели беспечностью и весельем. Был Паша владельцем продуктового ларька и в ус не дул. Судьба его катилась, как смазанные сани на Рождество: с гиканьем, песней, и самогон тек из тех саней рекой.

С утра являлся он в ларек составлять заказ на день. Вечером забирал выручку. Раз в неделю считали с продавцами недостачу, сводили дебет и кредит. Продавцы Паши часто оказывались людьми слабохарактерными и тырили по мелочи: сигареты, жвачку, пивко. Если расход оказывался больше прихода, Паша, смеясь, заставлял работать бесплатно – в счет долга. Люди соглашались, деваться некуда. За спиной веселого Паши стояли две мрачные тени – Борька Смирнов и Каха, «смотрящие» за ларьком.

Борька вышел из городской секции бокса со званием «кандидат в мастера спорта». На заре 90-х подался в «молодые». Так называли поросль рэкетиров, у многих из которых еще усы не начали расти. Став

постарше, «легализовался». Предложил услуги Паше Макарцову и другим ларечникам: теперь его работой было защищать коммерсантов от своих недавних коллег – «молодых». Лицо у Борьки круглое-круглое, как солнце, а глаза – голубые-голубые, как небо. Посреди этого великолепия торчал вбитый в глубь черепа и много раз переломанный нос.

Борька стоял и всегда раскачивался взад-вперед – по-боксерски. Пальцы его – как розовые сосиски с рыжими волосками – перебирали четки. Четки были в почете. Они намекали на темное прошлое и богатый жизненный опыт владельца. Мало какой пацан не вертел их в руках в нашем городке. Вертеть четки начинали уже в младших классах школы и вертели иной раз до пенсии.

Говорить Борька не умел. Он мог сказать протяжно, красиво и звучно только одну фразу: «Ну что, ребятууушки, смертушки захотели?» Слова как медовые кренделя вылетали изо рта его: пряники и завитушки, хоть подбирай и ешь. Но фраза эта была у румяного Борьки одна на все случаи. Поэтому говорил обычно Каха, его поделщик-грузин.

Если случалось кому обидеть Пашин ларек (а такое случалось, и сам Паша нередко был в этом виноват, о чем ниже), Каха поднимал обидчика из-под земли. Худой, черноволосый, в кожанке, истрескавшейся по плечам, Каха был полнолунием, черным морем, тревогой далекой войны. В зрачки его не-

Русская готика

возможно смотреть. То были спичечные головки, а не зрачки. Поговаривали, что такими они стали из-за того, что Каха баловался с венами: маковой соломкой, «винтом», дешевым серым героином. Когда Каха говорил, обломки его зубов в расщелине рта заставляли вспоминать страшные вещи: как акула сожрала туриста на египетском курорте, как людей обгладывали заживо лесные звери.

Случилось однажды так, что ларек грабили пять раз на неделе. Ночами повадился ходить некий человек в маске. Через маленькое окошко тыкал стволом в продавца и уносил выручку. Невиданными науке способами Каха нашел его на седьмой день. Это было как в Библии, когда Бог, устав от забот, почил от всех дел своих. Только наоборот: Каха не думал отдыхать, труды его только начинались.

Когда сорвали маску с человека, оказалось, что это молодой парень, бывший ночной продавец. Паша Макарцов когда-то уволил его за некомпетентность. Трудно быть компетентным в ночную смену в продуктовой ларьке. Паша Макарцов знал это по себе. В иные ночи, устав от жены своей, он являлся в ларек работать в ночную смену сам. Черный «Сааб» парковался у входа. Павел Макарцов, частный предприниматель, возникал на пороге, звеня бутылками вермута «Чинзано». Ларек не имел права продавать крепкий алкоголь, а Паша — большой любитель до вермута. Поэтому вермут ему приходилось покупать

в другом месте и брать с собой. Весть о том, что начальник ларька САМ сидит в ночную смену, разносилась далеко по окрестностям. Если работает Паша Макарцов, индивидуальный предприниматель, матерый и буйный человечище, – весело будет всем. К ларьку шеренгами шли из темноты алкаши и шлюхи. «Макар» – так любовно звали они хозяина ларька. Макар никому не отказывал: будучи уже изрядно поддатым, с вечной сигаретой в углу рта, он раздавал «в долг» пиво и сигареты. Кто, сколько и за что был должен, выветривалось из его памяти ментально. Зная это, Макар пытался записывать. По утрам дощатый пол ларька устилала гора бумажек с его вихляющим, сам черт ногу сломит, пьяным почерком – колонки неразборчивых цифр, каракули, много восклицательных знаков.

Играла музыка: группа «Мираж» или Михаил Круг. Курили мужчины. Сотрясались потными телами в танце пьяные женщины. Мордовская луна смотрела на все это и завидовала живым: густоте их крови, необузданности их желаний. Когда потом, после недельной ночной смены, приходила пора подбивать дебет и кредит, Павел мрачнел и становился угрюмым. Настроение портилось. Свою недостачу он старался всеми силами повесить на дневных продавцов. Терял борсетку, ругался матом, выходил покурить.

Компетентных не было на этой работе. Лучше всего годятся для нее женщины – пожилые и веру-

Русская готика

ющие. Такие не воруют алкоголь — если только дома не ждет 30-летний неудачник-сын, детина в оттянутых трениках, растяпа и хроник. Они равнодушны к деньгам и сигаретам. Проблема Паши Макарцова была в том, что трудно найти пожилых верующих женщин для работы в ночном ларьке. Пожилые верующие женщины после молитвы рано отходят ко сну. Во сне они видят, как пьяная вакханалия у ларьков, подобных Пашиному, коптится на адском костре.

Поэтому приходилось брать тех, кого дают. Отцепенцев, завязавших (и не очень) наркоманов — один из них не стеснясь нюхал клей из пакета прямо во время ночных смен. Или просто людей лихих и отъявленных. Один из них и повадился грабить ларек после увольнения.

Паша Макарцов с удовольствием рассказывал, как Каха вычислил обидчика. Ночами продавцы убирали крупные купюры не в кассу, а в коробку из-под бубль-гума. Коробку ставили в дальний угол, под прикрытие ящиков с пивом. Так вот — человек в маске знал про эту коробку. Засовывая черный здоровенный пистолет в узкую прорезь окна, он непременно орал, чтобы доставали коробку.

— Коробку? — переспрашивал, дрожа под дулом, продавец.

— Да, да, коробку из-под бубль-гума, которая стоит слева за тобой за пивным ящиком! — кричал с

улицы грабитель. Рука его с пистолетом торчала внутри. Паша иногда уточнял у продавца:

— А ты не мог ее дернуть, эту руку, и сломать к херам собачьим? –Продавец мялся, от него пахло клеем.

Каха догадался, что дело нечисто. Кто мог знать про коробку? Только тот, кто здесь работал. А кто работал здесь недавно? Текучка была большая, но Каха все равно пошел по адресам. В первой же квартире он обнаружил улики: пистолет, маску, много денег в кармане у человека и испуг. Каха чувствовал испуг, как трехголовый Цербер, и тогда из пасти у Кахи начинала течь ядовитая слизь. Падая на пол, она прожигала дыры в линолеуме. Задачей Цербера было не позволять мертвым возвращаться в мир живых. Поэтому Каха притащил избитого, воняющего мочой паренька к Паше Макарцову в ларек. Парень божился, что все отдаст. Парень обещал продать квартиру мамы, чтобы расплатиться с долгами и моральным унижением, доставленным Паше Макарцову, Кахе и Борьке. Так рассказывал сам Паша, восседая на пивных ящиках со стаканом «Чинзано» в руке. Вид у него был сияющий, лицо пошло красным пятном от счастья. Кудрявый смоляной чуб вихрился как у казака. Шелковая рубаша разошлась на пузе. В разрез выглядывал кончик золотого креста.

Но однажды Паше Макарцову все же пришлось хлебнуть горестей судьбы. И хлебнул он их полной

Русская готика

ложкой. Полетела к черту на кулички былая развеселая жизнь. Ушел с торгов черный «Сааб» задешево. А ложка та все не кончалась и казалась Паше бездонной.

Случилось так, что зашли в наш город большие торговые сети. Выстроили зиккураты – торговые центры. Стали в зиккуратах славить золотого тельца. Ларьки вроде Пашиного прилепились к сияющим зиккуратам как комья гнилой земли к подошве ботинка. Торчали из ларьков курьи ножки. Смердило табачищем. Ударяло духом судебных людских.

Торговые центры парили над муравейником наших жизней как недостижимые эталоны холодной красоты. Все в них сверкало, манило, обещало новую жизнь. Очевидно было, что ларькам не протянуть долго рядом с гигантами.

Первый тревожный звоночек прозвенел, когда начались разговоры. Прошел среди ларечников слух, что будут поднимать акцизы на сигареты. И что товарная база – мекка, где обретались все мелкие коммерсанты, – перестанет отпускать партии пива до ста ящиков. «Куда мне сто ящиков? – возмущались владельцы ларьков, хотя и подтверждений-то разговорам этим еще не было, а только домыслы и предчувствия. – Оно же расквасится?» В ларьках продавали продукты с истекшим сроком годности, дело было. И ящиками иной раз забивали ларек под самую крышу: продавцу, запертому внутри, не выйти ни по нуж-

де, ни покурить. Покуда не продашь, сиди. Паша Марцов и сам, бывало, с шалой улыбкой накануне Первомая муровал продавца в четырех стенах ларька. В глазах Пашиных светилась лучистая надежда: это ж праздники, это ж как торговля-то пойдет! Но брать по сто ящиков каждый раз, каждую закупку?! Тут уже у ларечников наливались кровью глаза: гнобят, гады, обижают честных людей.

Впрочем, вскоре пришла другая весть – и про акции с товарной базой забыли. Ранним июльским утром, когда пели птички и ничто не предвещало беды, приехали люди из администрации. Серьезные, в мешковатых костюмах и остроносых ботинках, почти такие же серьезные, как ларечники, – и раздали всем постановление. На бумаге так и было написано: «Постановление».

Паша сел читать его, задумчивый и хмельной после ночной смены. С губы его свисала сигарета. По всегдашнему блестел осколком луны православный крест – подмога честного коммерсанта. И чем дольше читал Паша, тем ниже опускалась его губа. Тем ниже сползала сигарета, пока совсем не грохнулась Паше на штанины, и тогда пространство огласили его громкие вопли. «А вот это видели?! – выскочил Паша из ларька и показал в небо жест, означающий мужской хрен. – А вот хрен вам!» Он кричал еще много и долго, так что на звуки потянулся народ и местная алкашня. Всем было инте-

Русская готика

ресно, что происходит. Алкашня надеялась, что под шумок им нальют.

Паша Макарцов бесновался и изрыгал яд. Пинал ботинками воздух. Плевался слюной. Никому не налили под шумок. Напротив, Паша пинками прогнал алкашню прочь.

«Постановление» предписывало всем владельцам ларьков в двухнедельный срок собрать по два миллиона рублей, чтобы заменить (цитата из Постановления) «морально устаревшую, не отвечающую нормам безопасности торговую конструкцию на более современную». Иными словами, Паше и всем остальным предложили снести старый ларек, а на его месте построить новый. По никому не ведомым нормативам новое строение должно иметь вход с тремя ступенями, неоновую вывеску на двери и продавца с непросроченной медицинской книжкой. Итого — два миллиона рублей. Последствия невыполнения в сроки — немедленный снос.

Вечером собрался консилиум. Пришел Каха, сухой грузин, явно под кайфом. Пришел Борька Смирнов — и первым делом набил карманы сигаретами и жвачкой: как «крыша» имел право. Свет притушили. Дверь заперли. «Что будем делать, братва?» — спросил Паша. Братва, дымя сигаретами и почесываясь, без энтузиазма пообещала разобраться.

Шли дни. Ларек продолжал работать в обычном режиме. Понемногу улеглись страсти, и Паша Макар-

цов уже подумал было, что Постановление – всего лишь попытка администрации взять его на понт. Его – Частного Предпринимателя, Человека, Который Дает Работу Несчастливым Семьям. В голове Паша именно так, с заглавных букв, определял свое благородное место. А еще, воспитанный годами жесткой конкуренции, он знал: если нечем крыть, если нет аргументов – возьми на понт, покажи мнимую силу, пусти пыль в глаза. Так делали все в Пашином мире. И теперь, похоже, так решила сделать администрация. «Ха-ха, – стал посмеиваться он. – Снесут они нас, как же».

Потом пришли Каха и Борька. Понурые. Чего раньше с ними не случалось.

– Короче, Пашок. Собирай два миллиона, или они тебя снесут, – сказал Каха и почесался. Похоже, он снова был под кайфом. Борька поглядел на Пашу глазами бирюзового неба и положил в карман блок «Мальборо».

– Такие дела, братуха, – подытожил он (что в его случае было очевидным лингвистическим подвигом).

Паша закипел:

– Как снесут? Как? А на что вы мне тогда сдались, родные? Порешайте вопрос!

– Порешали, – сказал Каха.

– И что?

– Без вариантов.

– Почему?

– Потому что они – корпорация.

Русская готика

– Кто они? Гондоны, которые в Сером доме сидят? – Серым домом называли администрацию.

– Нет, – ответил Каха и цыкнул слюной на пол. – «Пятерочка», «Ашан», «Перекресток». Встал ты им со своим ларьком поперек горла, Пашок.

Паша секунду думал, почесывая смоляной чуб. Потом вынул блок «Мальборо» из кармана Борьки Смирнова.

– А знаете-ка что, ребзя?

– Что? – хором спросила «крыша».

– А шли бы вы тоже на хер! – Он выставил наружу Каху и потом Борьку. Те не сопротивлялись.

– Без обид, Пашок! – сказал Каха. Паша захлопнул дверь.

Часть нужных денег он занял у знакомых. Никто не отважился дать ему всю сумму. Люди знали о буйном характере хозяина ларька и его пристрастии к вермуту «Чинзано». Давая деньги Паше Макарцову в долг, они прощались с ними навсегда.

Еще часть суммы Паша собрал, продав свой черный «Сааб». За машину он выручил немного. На поверку вышло, что «Сааб» битый, а его номер двигателя числится в федеральном розыске.

Паша поскреб по сусекам. Заложил золото жены в ломбард. Заложил золотую фиксу – его в лучшие годы он иногда расплачивался в ресторане, покутив.

К тому моменту как стрелка часов перевалила за полночь и наступил судный день, во время которого